

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/55/13

С.А. Кибальник

К РАЗГАДКЕ ОДНОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ДИФФАМАЦИИ: ПОЧЕМУ Н.Н. СТРАХОВ ОКЛЕВЕТАЛ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО?¹

Статья построена на сопоставлении рабочих тетрадей Достоевского и романа «Братья Карамазовы» с его восприятием личности Николая Страхова. Исправленный текст отзыва о Страхове в рабочей тетради Достоевского, как показано в статье, почти буквально повторен в «Братьях Карамазовых» применительно к Ракишину. Сам же образ Ракишина представляет собой своего рода криптографический памфлет против Страхова. Таким образом, скорее всего Страхов «узнал себя» в Ракишине, и именно это сподвигло его на клевету.

Ключевые слова: диффамация, криптографический, автобиографизм, памфлет, писатель, «Братья Карамазовы», рабочие тетради.

Как известно, в письме к Л.Н. Толстому от 28 ноября 1883 г. Н.Н. Страхов оклеветал Ф.М. Достоевского, отождествив его с некоторыми его героями и обвинив писателя в их грехах, в том числе и в педофилии. Этой клевете поверили многие философы и писатели XX в. — от Льва Шестова до Виктора Ерофеева. В самом положительном смысле она то и дело воспроизводится и сегодня, причем на сайтах весьма почтенных СМИ (см.: [1]).

При этом, как правило, ссылаются на то, что свидетельство принадлежит другу Достоевского критику и философу Николаю Страхову, у которого, якобы, не было никаких оснований клеветать на него [2, 3]. Между тем в действительности в последние годы жизни Достоевский со Страховым не общался, повод для того, чтобы оклеветать писателя, появился сразу после журнальной публикации им романа «Бесы» (1871–1872) [4. С. 75–109], а серьезный соблазн оклеветать его возник у Страхова позднее. Однако обо всем по порядку.

«Что сей сон значит?»

Статья Страхова и роман Достоевского «Братья Карамазовы»

Статье Страхова «Наблюдения (Посвящ<ается> Ф.М. Д<осто<е<вско>му)», в которой идет речь о разногласиях между ним и Достоевским, обнаружившихся во время их совместного пребывания во Флоренции в 1862 г., предпослан эпитафия: «Можешь ли ты **рассказать мне сон**, кото-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10034), ИРЛИ РАН.

рый я видел, и сказать, **что он значит?**» [5. С. 560]¹. Эпиграф этот получает развитие в самой статье, причем в разговоре на важнейшую тему, которая отразилась в «Записках из подполья» [6. С. 109–114]. Это спор о том, сколько будет дважды два, и связан он с чрезмерным рационализмом Страхова.

В конце статьи Страхов снова возвращается к образу, использованному в эпиграфе: «...они могут утверждать даже и то, что дважды два – не четыре <...> они, как некогда восточные цари, **могут грезить все, что им угодно**, а я, как их придворные волхвы, под страхом казни, обязан понимать **все, что им ни пригрезится**, да, пожалуй, еще находить в их снах смысл высокий и пророческий. Остается разве только одно, – чтобы вы возложили на меня обязанность не только понимать, но и **отгадывать их сны**, как этого требовал от своих волхвов тот древний царь, который однажды **забыл свой сон** и помнил только, что ему было страшно» [5. С. 561].

А теперь обратим внимание на то, что при первом появлении Михаила Ракитина в «Братьях Карамазовых» его разговор с Алешей после коленопреклонения старца Зосимы перед Дмитрием также начинается с этой реплики:

– Скажи ты мне, Алексей, одно: **что сей сон значит?** Я вот что хотел спросить.

– Какой сон?

– А вот земной-то поклон твоему братцу Дмитрию Федоровичу. Да еще как лбом-то стукнулся! <...>

– Не знаю, Миша, что значит.

– Так я и знал, что он тебе это не объяснит. Мудреного тут, конечно, нет ничего, одни бы, кажись, всегдашние благоглупости. Но фокус был проделан нарочно. Вот теперь и заговорят все святоши в городе и по губернии разнесут: «**Что, дескать, сей сон означает?**» По-моему, старик действительно прозорлив: уголовщину пронюхал. Смердит у вас.

– Какую уголовщину?

Ракитину видимо хотелось что-то высказать.

– В вашей семейке она будет, эта уголовщина [7. Т. 14. С. 72–73].

Когда Алеша оспорит утверждение Ракитина о том, что Иван хочет жениться на Катерине Ивановне из-за денег, тот снова повторит свою формулу относительно «сна»: «**Это еще что за сон?** Ах вы... дворяне!» [Там же. С. 76].

Мотив значения «сна» в тексте романа Достоевского содержит, по-видимому, скрытые отсылки к наброску посвященной ему статьи Страхова «Наблюдения». Правда, последнее верно только в том случае, если этот набросок был известен Достоевскому, но, поскольку он обращен именно к нему и речь в нем идет о старом споре с ним, то это более чем вероятно.

Скрытые отсылки к этому наброску в «Братьях Карамазовых» должны были прямо дать понять посвященному читателю – к каковым, безусловно,

¹ Здесь и далее выделено полужирным мною. – С.К.

относился Страхов – что прототипом Ракитина является он сам. Так что если остальные читатели могли лишь догадываться о том, что в Ракитине воплощены некоторые черты Страхова, то у самого Страхова, которому и была адресована эта своего рода криптограмма Достоевского, не оставалось в этом ни малейших сомнений.

Чтобы решить, подтверждается ли все это характеристиками и поведением Ракитина в романе, сопоставим их с тем, как представлял себе Достоевский личность Страхова в период создания этого образа.

«Отречение» Страхова от Достоевского

Большинство исследователей полагает, что отношения между Достоевским и Страховым были испорчены в середине 1870-х гг. и до смерти Достоевского так окончательно и не восстановились.

Считалось, что ссора была вызвана тем, что свой новый роман «Подросток» Достоевский отдал в «Отечественные записки» Некрасова. Однако после этого общение продолжилось, причем после появления конца первой части романа в февральском номере «Отечественных записок» Страхов в письме от 21 марта 1875 г. наговорил Достоевскому кучу комплиментов по поводу его нового романа.

Это письмо, по мнению А.С. Долинина, свидетельствует о том, что «недоразумения, возникшие между ними в связи с “Подростком” <...> стали менее острыми» [8. С. 280]. Так что, по всей видимости, были какие-то другие, обстоятельства, заставившие позднее Страхова сделать в письме к Толстому от 11 марта 1879 г. следующее признание: «Я Тургенева и Достоевского, простите меня, не считаю людьми...» [9. Т. 2. С. 502].

Мы вправе предположить, что Достоевский в это время платил Страхову той же или почти той же монетой. Во всяком случае, как писал сам Страхов в своих «Воспоминаниях...», «непобедимая мнительность иногда заставляла его (Достоевского. – С.К.) смотреть и на меня, как на человека, имеющего к нему что-то враждебное, недостаточно к нему расположеного, и это очень огорчало меня» [10. С. 317–318]. Сообщая Толстому о смерти Достоевского, Страхов упомянул о «глупых разговорах» и о том, что они «не ладили все последнее время» [9. Т. 2. С. 591].

В бумагах Страхова сохранилась запись «Для себя»: «Во все время, когда я писал воспоминания о Достоевском, я чувствовал приступы того отвращения, которое он часто возбуждал во мне и при жизни и по смерти; я должен был прогонять от себя это **отвращение**, побеждать его более добрыми чувствами, памятью его достоинств и той цели, для которой пишу» [5. С. 564].

Никак не проявив этого своего «отвращения» в самих «Воспоминаниях...» (еще бы! А.Г. Достоевская, издававшая сборник, в который они вошли, просто не стала бы их печатать!), Страхов все же счел нужным как-то его выразить. И ему показалось, что наиболее подходящий для этого способ – написать об этом своему многолетнему корреспонденту Л.Н. Тол-

стому. Послав ему только что вышедшие из печати свои «Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском», он решает «исповедаться» Толстому, признавшись в том, что ранее формулировал «для себя»: «Все время писания я был в борьбе, я боролся с подымавшимся во мне **отвращением**, старался подавить в себе это дурное чувство» [9. Т. 2. С. 652].

И далее в этом письме к Толстому от 28 ноября 1883 г. следует текст, который В.А. Туниманов справедливо называет «актом не освобождения, а, пожалуй, отречения» [12. С. 269] Страхова от Достоевского:

Он был зол, завистлив, **развратен**, и он всю жизнь провел в таких волнениях, которые делали его жалким и делали бы смешным, если бы он не был при этом так зол и так умен. <...> Его **тянуло к пакостям**, и он хвалился ими. Висковатов стал мне рассказывать, как он похвалялся, что соблудил в бане с маленькой девочкой, которую привела ему гувернантка. Заметьте, что, **при животном сладострастии**, у него не было никакого вкуса, никакого чувства женской красоты и прелести. Это видно в его романах. Лица, наиболее на него похожие, – это герой *Записок из подполья*, Свидригайлов в *Преступлении и Наказании* и Ставрогин в *Бесах*; одну сцену из Ставрогина (растление и пр.) Катков не хотел печатать, но Д[остоевский] здесь ее читал многим [9. Т. 2. С. 652].

Столь резкий и, как было неоднократно показано [12–14], несправедливый отзыв Страхова о Достоевском обыкновенно предположительно объясняют тем, что после его смерти критик познакомился с одним не менее резким отзывом о нем самого писателя, содержавшимся в рабочей тетради Достоевского 1876–1877 гг., которую, возможно, вместе с другими тетрадями давала ему вдова писателя для работы над его «Воспоминаниями...» [15. С. 44–45]. Однако никаких доказательств того, что у Страхова эта тетрадь действительно была и что он эту запись (между прочим, чрезвычайно неразборчивую) читал, нет¹.

Что касается самой записи Достоевского [7. Т. 24. С. 239–240], то она также вызывает удивление своей резкостью. Туниманов связывал ее с критической аллюзией на Страхова в черновых записях к выпуску «Дневника писателя» за июль – август 1876 г., который в статье «Женский вопрос» неосторожно высказал свое предпочтение английской женщине перед русской [7. Т. 23. С. 88–89]. Исследователь и сам не видел в ней достаточного основания для подобной резкости [11. С. 271]². Почему гнев Достоевского выразился в столь резкой форме, так и остается неясным.

¹ «Косвенное доказательство» этого можно видеть в письме Страхова к А.Г. Достоевской от 21 октября 1883 г.: «...будете печатать из *Записной книжки*, то необходимо мне взглянуть, – только взглянуть. Я после Вам объясню» [16. С. 68].

² В.Н. Захаров предположил, что причиной для резкого отзыва Достоевского послужили обнародованные еще ранее космополитические высказывания Страхова в его корреспонденциях 1875 г. «Из Рима»: «Презрительно, свысока сказано о народе: “Мы не знаем, для чего они так берегут себя; для нас непонятно то таинственное будущее, из-за которого они так мало дорожат своими головами; но ведь это уж наша печаль, а

Текстуальные переключки

Особенно резкие слова Достоевского о Страхове в этом черновом наброске лишь сравнительно недавно были прочитаны правильно. «...Несмотря на свой строго-нравственный вид, **втайне сладострастен и за какую-нибудь жирную грубо-сладострастную пакость** готов **предать** всех и все, и гражданск<ий> долг, которого не ощущает, и **родину**, до которой ему все равно, и идеал, которого у него не бывает...»¹ – писал Достоевский о Страхове, скорее всего в 1876 г.²

По-видимому, именно поэтому до настоящего времени никто не обратил внимания на серьезную переключку черновой записи Достоевского о Страхове с отзывом о Достоевском самого Страхова в письме к Толстому: «При **животном сладострастии**», «его тянуло к **пакостям**, и он хвалился ими»³. Данная переключка укрепляет предположение о том, что с его стороны это был «своеобразный “ответ” Достоевскому». Однако был ли это ответ Страхова именно на черновую запись Достоевского о нем или на что-то другое, только на нее или на что-то еще, мы увидим ниже.

Возникает также вопрос о том, имеют ли Достоевский и Страхов в виду одно и то же или речь у них, при всем сходстве словоупотребления, идет о несколько различных вещах. Очевидно, что Страхов имеет в виду плотские грехи и даже педофилию, о которой он прямо пишет: «Его тянуло к **пакостям**, и он хвалился ими. Висковатов стал мне рассказывать, как он похвально, что соблудил в бане с маленькой девочкой...» [9. Т. 2. С. 652].

У Достоевского же речь идет скорее о любви к сплетням и способности к клевете: «...за какую-нибудь жирную грубо-сладострастную **пакость** готов продать всех». Эти слова наводят на предположение о том, что Страхов участвовал в распространении клеветнических слухов об автобиографичности главы «Бесов» «У Тихона», содержавшую признание Ставрогина в совращении девочки, которые появились после отказа журнала «Русский вестник» напечатать эту главу, и о том, что Достоевский в какой-то момент узнал об этом⁴.

не их”. Именно эти туристические заметки дали Достоевскому повод заподозрить Страхова в готовности предать родину» [16. С. 67]. Впрочем, выраженные в этих заметках космополитические наклонности Страхова всего лишь предвещают будущее предпочтение им английской женщины русской в статье «Женский вопрос». Между тем, например, Туниманов отвергал эти наклонности в качестве возможной основной причины резкого отзыва Достоевского о Страхове.

¹ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. № 16. С. 266. Текст этой записи приводится по Полному собранию сочинений [7. Т. 24. С. 240] с исправлением в нем неточностей [17. С. 50].

² Запись расположена среди заметок к «Дневнику писателя» за 1876 г. (между материалами, относящимися к июлю-августу и к сентябрю) [7. Т. 24. С. 234–239].

³ Впрочем, Л.М. Розенблюм и ранее ощущала, что кое-что в черновом отзыве о Страхове в рабочей тетради Достоевского «напоминает слова Страхова о Достоевском в печально-памятном письме его к Толстому» [15. С. 43].

⁴ Предположение о том, что «Достоевскому удалось узнать <...> что в разговорах о “грязи” принимал участие и Страхов», уже высказывалось [15. С. 44].

Это предположение тем более вероятно, что, например, о распространении Страховым клеветнических слухов о Тургеневе Достоевскому было хорошо известно. Сообщая Достоевскому в письме от 4 мая 1871 г. о нежелании Тургенева встречаться с ним после резкого отзыва Страхова о Тургеневе в печати, критик сам тут же повторял досужие домыслы о писателе: «Какая позорная трусость! Какое отсутствие всякой веры! Я слышал потом, что он ужасно подличал перед молодыми людьми, заискивал у молодого поколения» [8. С. 273].

И как впоследствии Толстому он будет писать о «выходах» Достоевского, «которые он делал **совершенно по-бабьи**», в этом письме к самому Достоевскому он приводит свой весьма сходный отзыв о Тургеневе, отказавшемся, по словам Я.П. Полонского, встречаться со Страховым: «Я хотел Вас позвать, и говорил Тургеневу, сказал, что Вы о нем пишете. Но он – представьте – слышать не хотел, уверял, что никто еще не оскорблял его так, как Вы, что Вы называли его **з л о я з ы ч н о й б а б о й** и пр., что Вы говорили не о его таланте, а о нем, как о человеке. Наотрез отказался Вас видеть» [Там же].

То, что Страхов был склонен к передаче сплетен и «скандальных “анекдотов”», нередко из весьма недостоверных источников», было известно Толстому и многим другим корреспондентам Страхова [11. С. 251, 278]. Впоследствии Страхов в сходных выражениях отзывался в письме к В.В. Розанову о К.Н. Леонтьеве – как об «одном из **отвратительных** явлений», человеке, у которого «самые высокие предметы вдруг подчиняются самым **низменным** стремлениям, **развратной** жажде наслаждения и услаждения себя» [18. С. 324–325].

Ракитин и Страхов

А теперь давайте вспомним, в чем в первую очередь Ракитин обвиняет не только Дмитрия, но и все семейство Карамазовых – в сладострастии:

Пусть он и честный человек, Митенька-то (он глуп, но честен); но он – **сладострастник**. Вот его определение и вся внутренняя суть. Это отец ему передал свое **подлое сладострастие**. Ведь я только на тебя, Алеша, дивлюсь: как это ты девственник? Ведь и ты Карамазов! Ведь в вашем семействе **сладострастие** до воспаления доведено. Ну вот эти три сладострастника друг за другом теперь и следят... с ножами за сапогом. Состукнулись трое лбами, а ты, пожалуй, четвертый.

– Ты про эту женщину ошибаешься. Дмитрий ее... презирает, – как-то вздрагивая, проговорил Алеша.

– Грушеньку-то? Нет, брат, не презирает. Уж когда невесту свою ввяв на нее променял, то не презирает. Тут... тут, брат, нечто, чего ты теперь не поймешь. Тут влюбится человек в какую-нибудь красоту, в тело женское, или даже только в часть одну тела женского (это **сладострастник** может понять), **то и отдаст за нее собственных детей, продаст отца и мать, Россию и отечество**; будучи честен, пойдет и украдет; будучи кроток – заре-

жет, будучи верен – изменит. Певец женских ножек, Пушкин, ножки в стихах воспевал; другие не воспевают, а смотреть на ножки не могут без судорог. Но ведь не одни ножки... Тут, брат, презрение не помогает, хотя бы он и презирал Грушеньку. И презирает, да оторваться не может.

– Я это понимаю, – вдруг брякнул Алеша.

– Быдто? И впрямь, стало быть, ты это понимаешь, коли так с первого слова брякнул, что понимаешь, – с злорадством проговорил Ракитин. – Ты это нечаянно брякнул, это вырвалось. Тем драгоценнее признание: стало быть, тебе уж знакомая тема, об этом уж думал, о сладострастье-то. Ах ты, девственник! Ты, Алешка, тихоня, ты святой, я согласен, но ты тихоня, и черт знает о чем ты уж не думал, черт знает что тебе уж известно! Девственник, а уж такую глубину прошел, – я тебя давно наблюдаю. Ты сам Карамазов, ты Карамазов вполне – стало быть, значит же что-нибудь порода и подбор. **По отцу сладострастник**, по матери юродивый. Чего дрожишь? Аль правду говорю? Знаешь что: Грушенька просила меня: “Приведи ты его (тебя то есть), я с него ряску стащу”. Да ведь как просила-то: приведи да приведи! Подумал только: чем ты это ей так любопытен? Знаешь, необычайная и она женщина тоже!

– Кланиясь, скажи, что не приду, – криво усмехнулся Алеша. – Договаривай, Михаил, о чем зачал, я тебе потом мою мысль скажу.

– Чего тут договаривать, всё ясно. Всё это, брат, старая музыка. Если уж **и ты сладострастника в себе заключаешь**, то что же брат твой Иван, единоутробный? Ведь и он Карамазов. В этом **весь ваш карамазовский вопрос заключается: сладострастники**, стяжатели и юродивые! [7. Т. 14. С. 74–75].

Обратим внимание на то, что слова Ракитина: «Тут влюбится человек в какую-нибудь красоту, в тело женское, или даже только в часть одну тела женского (это **сладострастник** может понять), **то и отдаст за нее собственных детей, продаст отца и мать, Россию и отечество**» – практически парафраза черновой записи Достоевского о Страхове: «...за какую-нибудь **жирную** грубо-сладострастную пакость **готовов продать всех и все**, и гражданский долг, которого не ощущает, и **родину**, до которой ему все равно, и идеал, которого у него не бывает...».

Так что, был ли Страхов знаком с черновой записью о себе в рабочей тетради Достоевского, не так уж важно. Ведь в трансформированном виде она была воспроизведена в «Братьях Карамазовых», а Страхову было очевидно, что в образе Ракитина выведен в первую очередь он сам.

Текстуально отзыв Страхова о Достоевском в письме к Толстому, на перый взгляд чуть ближе к черновой записи в рабочей тетради 1876 г., чем к приведенным словам Ракитина. Впрочем, в тексте романа есть фрагменты, которые содержат и другие мотивы этой черновой записи. Так, например, Дмитрий Карамазов видит Ракитина именно таким: «И такая у него скверная **сладострастная слюна** на губах...»; «Человек **с сладострастной слюной** на губах, а губы-то **жирные, красные**» [Там же. Т. 15. С. 29, 321].

Немного позднее Ракитин на самом деле приведет Алешу к Грушеньке, которая, однако, откажется от своего бывшего намерения соблазнить его¹, но зато не скроет, что Ракитин привел его не просто так, а поскольку она обещала ему заплатить за это 25 рублей. Сам же он признается, что сделал это еще и в надежде «увидеть “позор праведного” и вероятное “падение” Алеши “из святых во грешники”» [7. Т. 14. С. 310].

Гипертрофированное самолюбие Страхова в характеристике, данной ему в рабочей тетради 1876–1877 гг., Достоевский отчасти объяснял его семинарским происхождением:

Главное в этом славолубии играют роль не столько литератора, сочинителя трех-четырёх скучненьких брошюрок и целого ряда обиняковых критик по поводу, напечатанных где-то и когда-то, но и два казенные места. Смешно, но истина. **Чистейшая семинарская черта. Происхождение никуда не спрячешь. Никакого гражданского чувства и долга, никакого негодования к какой-нибудь гадости, а напротив, он и сам делает гадости;** несмотря на свой строго нравственный вид, **втайне сладострастен** <...> Я еще больше потом поговорю об этих литературных типах наших, их надо обличать и обнаруживать неустанно [Там же. Т. 24. С. 240].

Что касается намерения «больше потом» поговорить «об этих литературных типах наших», то чуть ниже в той же рабочей тетради Достоевский сделал запись, озаглавленную им «Семинарист»: *«Семинарист, сын попа, составляющего status in statu, а теперь уж и отщепенца от общества, а казалось бы, надо напротив. <...> Сын его, семинарист (светский), от попа оторвался, а к другим сословиям не пристал, несмотря на все желание. Он образован, но в своем университете (в Духовной академии). По образованию проеден самолюбием и естественною ненавистью к другим сословиям, которые хотел бы раздробить за то, что они не похожи на него. В жизни гражданской он много внутренне, жизненно не понимает, потому что в жизни этой ни он, ни гнездо его не участвовали, оттого и жизнь гражданскую вообще понимает криво, лишь умственно, а главное отвлеченно»* [Там же. С. 241].

Как отметил Туниманов, «очерк о семинаристе, как типе, не будет осуществлен, но и бесследно не исчезнет: пригодится при создании образа Ракитина в “Братьях Карамазовых”» [11. С. 273]. Действительно, этот образ в полной мере предопределен его происхождением.

Писатель наделяет Ракитина как раз отмеченной в рабочей тетради «естественною ненавистью к другим сословиям»:

Завидя теперь входящего Алешу, он (Ракитин. – С.К.) особенно нахмурил брови и отвел глаза в сторону, как бы весь занятый застегиванием своего большого теплого с меховым воротником пальто. Потом тотчас же принялся искать свой зонтик.

¹ В черновых набросках было прямое указание на то, что и с самого начала дело обстояло не совсем так: *«Грушенька: «А я-то тебя развратить хотела. Вот он (Ракитин) всё хотел, меня подговаривал»* [7. Т. 15. С. 261].

– Своего бы не забыть чего, – пробормотал он, единственно чтобы что-нибудь сказать.

– **Ты чужого-то чего не забудь!** – сострил Митя и тотчас же сам расхохотался своей остроте. Ракитин мигом вспылал.

– **Ты это своим Карамазовым рекомендуй, крепостничье ваше отродье,** а не Ракитину! – крикнул он вдруг, так и затрясшись от злости [7. Т. 15. С. 27].

Остается только удивляться, как исследователи не заметили в Ракитине многих других черт Страхова. Впрочем, обыкновенно это происходит оттого, что в криптографическом памфлете воплощается не реальная личность, а ее восприятие писателем в период его создания; между тем об этом восприятии исследователи не всегда имеют полное представление.

Образ Ракитина – это именно жесточайший и в то же время достаточно прозрачный для хорошо знавших Страхова людей (а в особенности для самого Страхова) памфлет против него. Вдобавок при более детальном сравнении героя с его прототипом мы увидим, что в образе Ракитина к отличительным чертам и деталям биографии Страхова примешиваются особенности личности некоторых других литераторов.

Разбираемая нами выше глава романа озаглавлена «**Семинарист-карьерист**» [Там же. Т. 14. С. 71], и в ней Иван Карамазов напроорочил Ракитину такое будущее:

Изволил выразить мысль, что если я-де не соглашусь на карьеру архимандрита в весьма недалеком будущем и не решусь постричься, то непременно уеду в Петербург и примкну к толстому журналу, непременно **к отделению критики**, буду писать лет десяток и в конце концов **переведу журнал на себя**. Затем буду опять его издавать и непременно в либеральном и атеистическом направлении, с социалистическим оттенком, с маленьким даже лоском социализма, но держа ухо востро, то есть, в сущности, **держа нашим и вашим** и отводя глаза дуракам. Конец карьеры моей, по толкованию твоего братца, в том, что оттенок социализма не помешает мне откладывать на текущий счет подписные денежки и пускать их при случае в оборот, под руководством какого-нибудь жидишки, до тех пор, пока не **выстрою капитальный дом в Петербурге, с тем чтобы перевести в него и редакцию, а в остальные этажи напустить жильцов...** [Там же. С. 77].

Некоторые конкретные детали из этого пророчества в применении к Страхову пробуксовывают. Зато они нарочито отсылают – по всей видимости, для того, чтобы хоть сколько-нибудь затушевать памфлетный характер этого образа – к другим литераторам¹.

¹ Отмечалось полемическое переосмысление Достоевским в биографии Ракитина ряда деталей биографии Г.З. Елисеева и Г.Е. Благодетельского – между прочим, тоже семинаристов [19. С. 306–311; 7. Т. 15. С. 539, 597], М.В. Родевича, [20. С. 574–575], А.А. Краевского [7. Т. 15. С. 539]. В корреспонденциях Ракитина замечены элементы пародии на «сенсационные известия и обличительные штампы в корреспонденциях

Однако все остальные детали, вплоть до объяснения личности «семинарским» происхождением (к каковому объяснению был склонен и сам Страхов)¹, полностью соответствуют его биографии и облику. Так, например, следующая деталь в самопрезентации Ракитина: «...если я-де не соглашусь на карьеру архимандрита в весьма недалеком будущем и не решусь постричься...» – соотносится с тем, что Страхов и в самом деле раздумывал о духовной карьере, но так и не решился постричься в монахи. Его родной дядя и воспитатель, заменивший ему отца, ректор Костромской семинарии архимандрит Нафанаил всячески этого добивался, не только когда Страхов учился в духовной семинарии в Костроме, но и позднее, в Петербурге, где в студенческий период племянника стал архиеером [23. С. 100].

В параллель к характеристике Ракитина: «**держа нашим и вашим** и отводя глаза дуракам» – приведем следующие отзывы о Страхове. По словам В.В. Розанова, Страхов «повсюду цитирует других, говорит свою мысль чужими словами...» [18. С. 70]². «Пантеист ли он, деист ли, исповедует ли он положительную религию, материалист ли он, идеалист ли он, либерал ли он, консерватор ли он, – недоумевал в рецензии на одну из книг Страхова В. Модестов, – одним словом, кто г. Страхов в области философии и политики, для меня оставалось и до сих пор остается непонятным» [25. С. 2]. «О себе самом Страхов никогда не говорил, – вспоминал о нем Б.В. Никольский, – даже местоимение “я” проскальзывало у него в разговоре, как и в сочинениях, только в виде исключения» [26. С. 6]. «Мыслителем тонким, вдумчивым, но в высшей степени осторожным в раскрытии своих глубочайших убеждений» называл Страхова Ф.К. Андреев [27. С. 289].

По характеристике современного исследователя, «зыбкость, расплывчатость взглядов Страхова в этих его высказываниях, закрытость, неуловимость его личности действительно поразительны» [23. С. 87]. Да ведь и сам Страхов сознавал: «Конечно, главный мой недостаток – отсутствие самостоятельности...» [9. Т. 1. С. 432].

газет и журналов либерального направления 1860–1870-х годов» [7. Т. 15. С. 587; см. об этом: 21. С. 33–34], а его стихи «вызваны пародией Д.Д. Минаева на стихотворение Пушкина» [7. Т. 15. С. 589].

¹ В письме Толстому от 25 мая 1881 г., коротко пересказывая историю многолетней борьбы с нигилизмом, Страхов критически упоминает «семинарский дух»: «Петербургский люд с его складом ума и сердца и семинарский дух, подаривший нам Чернышевского, Антоновича, Добролюбова, Благодетель, Елисеева и пр. – главных проповедников нигилизма, – все это я близко знаю, видел их развитие, следил за литературным движением, сам пускался на эту арену и пр. Тридцать шесть лет я ищу в этих людях, в этом обществе, в этом движении мыслей и литературы – ищу настоящей мысли, настоящего чувства, настоящего дела – и не нахожу, и мое отвращение все усиливается, и меня берет скорбь и ужас, когда вижу, что в эти тридцать шесть лет только это растет...» [9. Т. 2. С. 606]. См. также опубликованную в «Эпохе» (1864. Июнь) статью Страхова «Что такое семинаристы?» [22. С. 432–433].

² И.Л. Волгин пронизательно заметил, что между Ракитиным и Страховым «есть момент тайного родства. Это – небескорыстие. И для Страхова и для Ракитина идеология – лишь средство...» [24. С. 232].

Многие из пороков, которыми Достоевский наделил Ракитина, Страхов впоследствии приписал самому писателю. Так, например, он утверждал, что Достоевский был «зол, **завистлив**». Между тем Достоевский в «Братьях Карамазовых» не только прямо называет Ракитина завистником, но и изображает его сплетником, всюду имеющим своих информантов и не гнушающимся мелкими прегрешениями против совести:

Всё это пронюхал Ракин, не утерпев и нарочно заглянув на игуменскую кухню, с **которою тоже имел свои связи. Он везде имел связи и везде добывал языка. Сердце он имел весьма беспокойное и завистливое.** <...> Алешу, который был к нему очень привязан, мучило то, что его друг Ракин бесчестен и решительно не сознает того сам, напротив, зная про себя, что он не украдет денег со стола, окончательно считал себя человеком высшей честности. <...> О последнем обстоятельстве Алеша узнал, и уж конечно совсем случайно, от своего друга Ракина, **которому решительно всё в их городишке было известно...** [7. Т. 14. С. 79, 93].

Характер отношений Алеши и Ракина здесь весьма смахивает на позднейшее восприятие Достоевским его собственных отношений со Страховым.

Дмитрий Карамазов в романе пророчествует:

Не пьянствую я, а лишь «лакомствую», как говорит твой свинья Ракин, который будет **статским советником** и всё будет говорить «лакомствую» [Там же. С. 96].

Ко времени работы над «Братьями Карамазовыми» Страхов был статским советником (а к концу жизни дослужился и до действительного статского) [28. С. 301].

Когда старец Зосима умирает, Ракин немедленно занимает место в ските не просто для наблюдения, а еще и вдобавок «по особливому поручению госпожи Хохлаковой», которая считала его «за самого благочестивого и верующего молодого человека – до того он **умел со всеми обойтись и каждому представиться сообразно с желанием того, если только усматривал в сем малейшую для себя выгоду**» [7. Т. 14. С. 296].

Из второго тома романа мы узнаем, что Ракин долгое время посещал госпожу Хохлакову, рассчитывая на ней жениться и взяв полтора ста тысяч приданого, но когда она предпочла ему чиновника Перхотина, ославил ее в статье, напечатанной в петербургской газете «Слухи». При этом он изобразил дело таким образом, как будто бы она давала три тысячи рублей Дмитрию перед убийством, но тот пренебрег ее «сорокалетними прелестями» [Там же. Т. 15. С. 15].

Когда Алеша рассказывает Дмитрию, как Ракин отомстил госпоже Хохлаковой, выясняется, что тот успел ославить и многих других:

Это он, он! – подтвердил Митя нахмурившись, – это он! **Эти корреспонденции... я ведь знаю... то есть сколько низостей было уже написано, про Грушу, например!.. И про ту тоже, про Катю...** [Там же. С. 30].

Аналогичным образом сам Достоевский мог припомнить, как Страхов оклеветал не только его самого, но и Тургенева и, по-видимому, не только их двоих.

Таким образом, почти все, в чем Ракитин обвинял Карамазовых («сладо-страстники, стяжатели»), оказывается в реальности верно по отношению к нему самому. Очевидно, зная за Страховым склонность к приписыванию другим своих собственных пороков, Достоевский как будто бы предвидел, что впоследствии он поступит так по отношению к нему самому.

Ракитин и Клод Бернар

Когда Дмитрий Карамазов попадает в острог, Ракитин начинает усиленно посещать его. Отвечая на вопрос Алеши о его отношениях с ним, Дмитрий говорит:

С Михаилом-то подружился? Нет, не то чтоб. Да и чего, свинья! Считает, что я... подлец. Шутки тоже не понимают – вот что в них главное. Никогда не поймут шутки. Да и **сухо у них в душе, плоско и сухо, точно как я тогда к острогу подъезжал и на острожные стены смотрел. Но умный человек, умный** [7. Т. 15. С. 27].

В это время, не без влияния Ракитина, Дмитрия начинают беспокоить какие-то новые идеи. Что это за идеи, вскоре выясняется в разговоре Дмитрия с Алешей:

– Какой там был Карл Бернар?

– Карл Бернар? – удивился опять Алеша.

– Нет, не Карл, постой, соврал: **Клод Бернар**. Это что такое? Химия, что ли?

– Это, должно быть, ученый один, – ответил Алеша, – только, признаюсь тебе, и о нем много не сумею сказать. Слышал только, ученый, а какой, не знаю.

– Ну и черт его дери, и я не знаю, – обругался Митя. – Подлец какой-нибудь, всего вероятнее, да и все подлецы. А Ракитин пролезет, Ракитин в щелку пролезет, тоже Бернар. Ух, Бернары! Много их расплодилось!

– Да что с тобою? – настойчиво спросил Алеша.

– **Хочет он обо мне, об моем деле статью написать, и тем в литературе свою роль начать, с тем и ходит, сам объяснял. С направлением что-то хочет: “дескать, нельзя было ему не убить, заеден средой”, и проч., объяснял мне.** С оттенком социализма, говорит, будет. Ну и черт его дери, с оттенком так с оттенком, мне всё равно. Брата Ивана не любит, ненавидит, тебя тоже не жалуется. Ну, а я его не гоню, потому что человек умный. Возносится очень, однако. Я ему сейчас вот говорил: «Карамазовы не подлецы, а философы, потому что все настоящие русские люди философы, а ты хоть и учился, а не философ, ты смерд» [Там же. С. 28].

Как известно, Клод Бернар был сторонником позитивизма. В романе Чернышевского «Что делать?» сказано, что он «отзывался с уважением о

работах Кирсанова, когда Кирсанов еще только оканчивал курс» [29. С. 146]. В 1866 г. в России в переводе Страхова вышла книга Бернара «Введение в изучение экспериментальной медицины». В предисловии к этой книге Страхов писал: «Явления находятся между собой в причинной связи. Клод Бернар употребляет для этой связи новый термин; именно, по его выражению, каждое явление имеет свой детерминизм, т. е. необходимо определяется своими условиями. Обыкновенно это выражают так: при известных условиях необходимо совершается известное явление. Этот принцип Клод Бернар называет абсолютным, признаваемым нашим умом а priori, независимо от всякого опыта» [30. С. I–III].

Принцип «детерминизма» отчасти соответствует учению о «среде», которое Бернар развивал и в других своих сочинениях. Как показал Б.Г. Реизов, это учение не только прямо опровергалось в романе, но и вызывало у Достоевского неприятие связанного с ним французского натурализма: «Дмитрий Карамазов остро ощущает в себе чувство нравственной ответственности и свободы, о котором писал Достоевский в 70-е годы. Он уже начал свое искупление, и Ракитин, а вслед за ним прокурор и защитник, объясняющие социальными, сословными и наследственными причинами его поведение и нравственную природу, вызывают у него негодование. Он обнаруживает в их рассуждениях ход мысли, характерный для Клода Бернара и еще более открытый и очевидный у Золя. Против детерминизма Митя восстает всеми силами своей “свободной” души» [31. С. 154].

Впрочем, с подачи Ракитина Дмитрий Карамазов усваивает позитивистское представление о том, что восприятие человека детерминировано чисто физиологическими особенностями его организма:

Вообрази себе: это там в нервах, в голове, то есть там в мозгу эти нервы (ну черт их возьми!)... есть такие этакie хвостики, у нервов этих хвостики, ну, и как только они там задрожат... то есть видишь, **я посмотрю на что-нибудь глазами, вот так, и они задрожат, хвостики-то... а как задрожат, то и является образ**, и не сейчас является, а там какое-то мгновение, секунда такая пройдет, и является такой будто бы момент, то есть не момент, – черт его дерит момент, – а образ, то есть предмет али происшествие, ну там черт дерит – вот почему я и созерцаю, а потом мыслю... потому что хвостики, а вовсе не потому, что у меня душа и что я там какой-то образ и подобие, всё это глупости. <...> Великолепна, Алеша, эта наука! Новый человек пойдет, это-то я понимаю... [7. Т. 15. С. 28].

О природе зрения, которая связана с тем, что «на задней стороне глаз, на сетчатой оболочке, образуется при этом уменьшенное изображение видимых предметов», Страхов рассуждал, в частности, в статье «Главная черта мышления» [32. С. 193].

Еще в статье, вошедшей в переведенный на русский язык сборник статей «Общий вывод положительного метода», который в «Преступлении и наказании» упоминает Лебезятников (см.: [7. Т. 6. С. 307]), Клод Бернар доказывал, что живые существа также подчиняются действию принципа

детерминизма: «Многие медики и натуралисты, пользуясь этими различными аргументами, доказывали невозможность применения опытного метода к изучению живых существ. <...> Я постараюсь доказать, что все явление как в живых, так и в неодушевленных телах подвержены безусловному и неизбежному д е т е р м и н и з м у. Наука о жизни может иметь только те же методы и основания, какие существуют и в науке о неодушевленных телах, и нет надобности делать какое бы то ни было различие между принципом наук физиологических и наук физико-химических» [33. С. 30–31].

Дмитрий Карамазов все же хорошо сознает уязвимость этой теории:

А не любит бога Ракитин, ух не любит! Это у них самое больное место у всех! Но скрывают. Лгут. Представляются. «Что же, будешь это проводить в отделении критики?» – спрашиваю. «Ну, явно-то не дадут», – говорит, смеется. «Только как же, спрашиваю, после того человек-то? Без бога-то и без будущей жизни? Ведь это, стало быть, теперь всё позволено, всё можно делать?» «А ты и не знал?» – говорит. Смеется. «Умному, говорит, человеку всё можно, умный человек умеет раков ловить, ну а вот ты, говорит, и убил и влопался и в тюрьме гниешь!» [7. Т. 15. С. 28, 29].

Как уже отмечалось выше, взгляды самого Страхова на самом деле далеко не столь однозначны. В данном случае Достоевский отчасти стилизует своего героя также не столько под Страхова, сколько под критиков социалистической ориентации, опять-таки воспринятых в пародийно-памфлетном ключе. Впрочем, отдельные моменты подобного мировосприятия были присущи и Страхову. Так, издатель «Санкт-Петербургских ведомостей» Э.Э. Ухтомский, не раз бывавший у Страхова, находил его не только религиозным скептиком, но даже и «вольтерьянцем» [34. С. 398].

Писатель наделяет Ракитина раскольниковской склонностью оправдывать злодеяние возможностью «гражданскую пользу потом принести»:

Вот он как ходил-то ко мне, тогда и сочинил эти стишонки. «В первый раз, говорит, руки мараю, стихи пишу, для обольщения значит, для полезного дела. **Забрав капитал у дурищи, гражданскую пользу потом принести могу**». У них ведь всякой мерзости гражданское оправдание есть! [7. Т. 15. С. 29].

Другая его черта – фейербаховское убеждение в том, что идея Бога создана самим человечеством на ранних стадиях его развития и что в современном мире место Бога должно заступить само человечество:

Человечество само в себе силу найдет, чтобы жить для добродетели, даже и не веря в бессмертие души! В любви к свободе, к равенству, братству найдет... [7. Т. 14. С. 76]; А меня бог мучит. Одно только это и мучит. А что, как его нет? Что, если **прав Ракитин, что это идея искусственная в человечестве?** Тогда, если его нет, то человек шеф земли, мироздания. Великолепно! Только как он будет добродетелен без бога-то? Вопрос! Я всё про это. Ибо кого же он будет тогда любить, человек-то? Кому благодарен-то будет, кому гимн-то воспоет? Ракитин смеется. Ракитин говорит,

что можно любить человечество и без бога. Ну это сморчок сопливый может только так утверждать, а я понять не могу [7. Т. 15. С. 32].

В своих произведениях Достоевский не раз – в том числе и в «Братьях Карамазовых», устами старца Зосимы – показал, что любовь к дальнему чревата нелюбовью к ближнему. Как формулировал он эту мысль в статье «Голословные утверждения», «те же, которые, отняв у человека веру в его бессмертие, хотят заменить эту веру, в смысле высшей цели жизни, “любовью к человечеству”, те, говорю я, поднимают руки на самих же себя; ибо вместо любви к человечеству насаждают в сердце потерявшего веру лишь зародыш ненависти к человечеству» [Там же. Т. 24. С. 49].

Именно эта диалектика постепенно выявляется в романе и применительно к Ракину (см.: [35. С. 377–380]):

Да за что мне любить-то вас? – не скрывая уже злобы, огрызнулся Ракин. Двадцатипятирублевую кредитку он сунул в карман, и пред Алешей ему было решительно стыдно. Он рассчитывал получить плату после, так чтобы тот и не узнал, а теперь **от стыда озлился**. <...>

– **Любят за что-нибудь, а вы что мне сделали оба?**

– А ты ни за что люби, вот как Алеша любит [7. Т. 14. С. 319–320].

То, что декларируемая любовь к человечеству без идеи Бога легко может стать всего лишь прикрытием для откровенного эгоизма, интуитивно чувствует Дмитрий Карамазов:

Легко жить Ракину: «Ты, – говорит он мне сегодня, – о расширении гражданских прав человека хлопочи лучше али хоть о том, чтобы цена на говядину не возвысилась; этим проще и ближе человечеству любовь окажешь, чем философиями». Я ему на это и отмочил: «А ты, говорю, без бога-то, сам еще на говядину цену набьешь, коль под руку попадет, и наколотишь рубль на копейку». Рассердился [Там же. Т. 15. С. 32].

Само противостояние в романе Алеши Ракину, очевидно, восходит к флорентийскому расхождению между Достоевским и Страховым по вопросу о природе человека. Недаром к убежденности Страхова в том, что человек «гнусен до последней степени» [5. С. 562], которое тот сформулировал в обращенной к Достоевскому статье «Наблюдения», исследователи небезосновательно возводят и страховское письмо к Толстому [36]. В вариантах к роману Ракин делает космополитические декларации, напоминающие страховские ремарки 1870-х гг.: «Русский народ не добр, потому что не цивилизован» [7. Т. 15. С. 256]¹.

Как известно, «судя по черновым наброскам, автор предполагал сделать Ракина побратимом Алеши и придать их спорам более резко выражен-

¹ Впрочем, и в основном тексте романа Ракин подбивает Колю Красоткина бежать в Америку, но Коля полагает, что «бежать в Америку из отечества – низость, хуже низости – глупость» [7. Т. 15. С. 501].

ный идеологический характер». Причем Ракитин в них, ссылаясь на Бокля, отстаивал бы идеи уничтожения религии, а если, как говорит Алеша, «народ не позволит», то «истребить народ, сократить его, молчать его заставить. Потому что европейское просвещение выше народа...». «Аргументы Ракитина – апелляция к Боклю, призыв “истребить народ”, – отметила Е.И. Кийко, – уже вызвали в свое время возражения Достоевского в публицистических статьях 1860-х годов, “Записках из подполья” (1864), “Крокодиле” (1865)» [7. Т. 15. С. 430]. Так что, создавая образ Ракитина, Достоевский первоначально намеревался, по-видимому, вернуться к своим старым спорам, в том числе и со Страховым.

Разгадка этой известной литературной диффамации облегчается тем, что клеветник оставил в своем навете на Достоевского явные словесные следы собственной обиды на него. Изобретательности Страхову хватило только на то, чтобы стрелки, направленные на него Достоевским, перевести на самого писателя. Теми же самыми словами, которыми Достоевский клеймил Страхова как сплетника, испытывающего сладострастие от возведения плотских грехов на других, сам Страхов попытался обличить мнимое плотское сладострастие (вплоть до педофилии) самого Достоевского. При этом он сам тут же простодушно упоминает факт, послуживший основным поводом к возникновению этой клеветы: чтение Достоевским в писательских компаниях отвергнутой «Русским вестником» главы «У Тихона» [18. С. 45].

Однако правда Достоевского еще при жизни Страхова взяла верх. Уже на следующий год после попытки своей диффамации Достоевского Страхов сам писал о себе собственными словами автора «Братьев Карамазовых»: «Покаюсь Вам, бесценный Лев Николаевич, я поддавался новым **гадостям**, которые открылись у меня в душе...» [9. Т. 2. С. 665]¹. Последние годы жизни, как показывает его переписка, он страдал от своего рода распада личности. Достоевский же еще в «Дневнике писателя» за апрель – июнь 1876 г. – возможно, не без влияния слухов, распространяемых о нем его мнимыми друзьями – то и дело размышлял о «знамени чести» литератора². И, по-видимому, собираясь продолжить этот разговор, записал в рабочей тетради 1876–1877 гг., в которой ниже появится его отзыв о Страхове: «О том, что литературе (в [нашем веке] наше время) надо высоко держать знамя чести. Представьте себе, что бы было, если б Лев Толстой, Гончаров оказались бы бесчестными? Какой соблазн, какой цинизм и как многие бы соблазнились. Скажут: “если уж эти, то...” и т.д.» [37. С. 544–545].

¹ Страхов не раз использовал в письмах к Толстому эту, возможно, непроизвольно заимствованную им у Достоевского характеристику: «...на меня все еще иногда нападает страх, что Вы меня, **гадкого**, как-нибудь разлюбите»; «Но истинно противны другие минуты, когда я вижу тяжелое оскорбление в самом невинном слове и звуке и когда сам навожу на себя чувства **гадкие**...» «...вы пожалели обо мне, когда я попробовал открыть Вам **гадости**, которые у меня на душе» [9. Т. 1. С. 467; Т. 2. С. 542, 548].

² Аналогичным образом Достоевский в этой тетради опровергает голословное обвинение В.Г. Авсеенко в том, что будто бы «“Русский вестник” поправлял» его «грязь» [17. С. 45].

Литература

1. Невзоров о Ф.М. Достоевском, черносотенце и педофиле. URL: <http://uborshizzza.livejournal.com/2405673.html> (дата обращения: 26.03.2018).
2. Невзоров А. Антрекот Михайлович Достоевский. URL: <http://echo.msk.ru/doc/1927004-echo.html?top> (дата обращения: 26.03.2018).
3. Невзоров А. Мертвые мальчики как старинная духовная «скрепа». URL: <http://www.mk.ru/politics/2013/02/25/817538-mertvyie-malchiki-kak-starinnaya-duhovnaya-skrepa.html> (дата обращения: 26.03.2018).
4. Захаров В.Н. Проблемы изучения Достоевского. Петрозаводск : Петрозавод. гос. ун-т, 1978.
5. Н.Н. Страхов о Достоевском / публ. и коммент. Л.Р. Ланского // Литературное наследство. Т. 86: Ф.М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М., 1973. С. 560–564.
6. Захаров В.Н. Сколько будет дважды два, или Неочевидность очевидного в поэтике Достоевского // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 109–114.
7. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.
8. Письма Н.Н. Страхова Ф.М. Достоевскому / публ. А.С. Долинина // Шестидесятые годы: Материалы по истории литературы и общественному движению. М. ; Л., 1940.
9. Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки : в 2 т. / ред. А. Донсков ; сост. Л.Д. Громова, Т.Г. Никифорова. Москва : Гос. музей. Л.Н. Толстого ; Ottawa : Группа славянских исследований при Оттавском университете, 2003. Т. 1. С. 1–487; Т. 2. С. 488–1080.
10. Страхов Н.Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М. Достоевского. СПб., 1883.
11. Туниманов В.А. Достоевский, Страхов, Толстой: (Лабиринт сцеплений) // Туниманов В.А. Лабиринт сцеплений: избр. ст. СПб., 2013.
12. Андрианова И.С. «Клеветы Страхова», или Протест вдовы и племянника Достоевского. URL: unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1449057614.pdf
13. Свинцов Н. Достоевский и отношения между полами // Новый мир. 1999. № 5. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1999/5/svincov1.html (дата обращения: 26.03.2018).
14. Оборин Л. Как вы думаете, был ли Достоевский педофилом? (письмо Н. Страхова Л. Толстому). URL: <https://thequestion.ru/questions/78362/kak-vy-dumaete-by-l-dostoevskii-pedofilom-pismo-n-strakhova-l-tolstomu>
15. Розенблюм Л.М. Творческие дневники Достоевского. М. : Наука, 1981.
16. Захаров В.Н. Полемиические заметки Достоевского о Н.Н. Страхове // Русская литература. 2017. № 4. С. 61–69.
17. Тарасова Н.А. «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского (1876–1877). Критика текста. М. : Квадрига, 2011.
18. Розанов В.В. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев // Собр. соч. М., 2001.
19. Борщевский С. Щедрин и Достоевский: История их идейной борьбы. М. : ГИХЛ, 1956.
20. Достоевский Ф.М. Письма. М. ; Л. : Госиздат, 1928. Т. I.
21. Дороватовская-Любимова В.С. Достоевский и шестидесятники («Искра», «Современник», Чернышевский) // Достоевский. М., 1928. С. 15–17.
22. Страхов Н.Н. Из истории литературного нигилизма. 1861–1865: Письма Н. Косицы. Заметки Летописца и пр. СПб., 1890.
23. Фатеев В.В. Религиозные воззрения Н.Н. Страхова // Н.Н. Страхов в диалогах с современниками: Философия как культура понимания. СПб., 2010. С. 86–115.
24. Волгин И.Л. Последний год Достоевского. 4-е изд. М. : АСТ, Зебра Е, 2010.

25. Модестов В. <Рец.:> Борьба с Западом // Новости и Биржевая газета. 1887. 20 окт. С. 2.
26. Никольский Б.В. Николай Николаевич Страхов: Критико-биографический очерк. СПб., 1896.
27. Андреев Ф.К. О сочинении студента Матвеевича Виктора на тему: Религиозно-философские взгляды Н.Н. Страхова // Богословский вестник. 1916. Июнь. Разд. «Журналы собраний». С. 1–12.
28. Весь Петербург на 1896 год, адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб., 1896.
29. Чернышевский Н.Г. Что делать?: Из рассказов о новых людях: роман // Полн. собр. соч. : в 15 т. М., 1939. Т. 11.
30. Бернар К. Введение в изучение опытной медицины / пер. Н. Страхова. СПб. ; М., 1866.
31. Реизов Б.Г. Из истории европейских литератур. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1970.
32. Страхов Н.Н. Главная черта мышления // Н.Н. Страхов в диалогах с современниками. СПб. : Алетейя, 2010. С. 191–207.
33. Бернар К. Прогресс в физиологических науках // Р. Вирхов, Клод-Бернар, Молешотт, Пидерит, Вагнер. Общий вывод положительного метода / пер. под ред. Н. Неклюдова. СПб., 1866.
34. Лукьянов С.М. Запись бесед с Э.Э. Ухтомским // Российский архив. М., 1992. Вып. 2–3. С. 398.
35. Кибальник С.А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. СПб. : Петрополис, 2013.
36. Кошечко А.Н. Достоевский и Страхов: опыт экзистенциальной коммуникации // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. С. 1–9. URL: <http://www.science-education.ru/118-14365> (дата обращения: 20.08.2014).
37. Неизданный Достоевский: Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. М. : Наука, 1971. (Литературное наследство. Т. 83).

SOLVING THE RIDDLE OF A WRITER'S DEFAMATION: WHY DID NIKOLAY STRAKHOV SLANDER FYODOR DOSTOEVSKY?

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 55. 191–211. DOI: 10.17223/19986645/55/13

Sergei A. Kibalnik, Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences; Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: s.kibalnik@spbu.ru

Keywords: defamation, cryptographic, autobiographic character, pamphlet, writer, pedophilia, *The Brothers Karamazov*, notebooks.

As it is well-known, Nikolay Strakhov slandered Fyodor Dostoevsky in his letter to Leo Tolstoy dated 28 November 1883; he identified him with some of his characters and blamed him for their sins pedophilia included. Many philosophers and writers of the 20th century from Leo Shestov to Viktor Yerofeyev believed this slander. It is quite often reproduced now, even on web sites of some highly respected media.

The paper contains an explanation why this slander emerged. This explanation is based on several factors. These are a story of Dostoevsky and Strakhov's relations, the counter-position of Dostoevsky's notebooks with his perception of Strakhov's personality and convictions, and the most recent ideas about cryptographic characters in the Russian classical novel.

Contrary to the widespread opinion, by the time of Strakhov's unfair accusations of Dostoevsky contained in his letter to Tolstoy, there were enough motifs for them. The two writers stopped correspondence and talking to each other in 1875, and in 1876 Dostoevsky put a very negative characteristic of Strakhov in his notebook.

The only reasonable explanation of this is a hypothesis that Dostoevsky found out about Strakhov's participation in spreading rumors about the autobiographical character of the chapter in Dostoevsky's *The Possessed* where Stavrogin confessed the elder Tikhon his having seduced a little girl, and Strakhov somehow saw this negative characteristic in Dostoevsky's notebook. Afterwards, this characteristic was almost literally reproduced in Dostoevsky's *The Brothers Karamazov* as Rakitin's portrayal, and the whole character of Rakitin turned out to be a kind of a cryptographic pamphlet against Strakhov as a womanizer, jasper, career-man and slanderer.

Most likely, Strakhov "recognized himself" in Rakitin and later, perhaps, found a proof to his guess having received an access to Dostoevsky's notebook. With the same words that Dostoevsky used to blame Strakhov as a slanderer orgasming from slandering other people, Strakhov, in his letter to Tolstoy, made an attempt to blame Dostoevsky for his voluptuousness (pedophilia including). He also mentioned in this letter a fact that was the main reason for the emergence of this slander: Dostoevsky's reading of the chapter "At Tikhon's", which was rejected by the *Russkiy Vestnik* editorial board, in some writers' circle.

Thus, most likely Strakhov "recognized himself" in Rakitin, and this provoked him to slander Dostoevsky. It is also quite possible that later, having received an access to Dostoevsky's notebooks, Strakhov found a proof to this in one of them.

References

1. UBORSHIZZZA. (2013) *Nevzorov o F.M. Dostoyevskom, chernosotentse i pedophile* [Nevzorov about F.M. Dostoevsky, a Black Hundred member and a pedophile]. [Online] Available from: <http://uborshizzza.livejournal.com/2405673.html>. (Accessed: 26.03.2018).
2. Nevzorov, A. (2017) *Antrekot Mikhaylovich Dostoyevskiy* [Entrecote M. Dostoevsky]. [Online] Available from: <http://echo.msk.ru/doc/1927004-echo.html?=&top>. (Accessed: 26.03.2018).
3. Nevzorov, A. (2013) *Mertvyie mal'chiki kak starinnaya dukhovnaya "skrepa"* [Dead boys as an old spiritual "clamp"]. [Online] Available from: <http://www.mk.ru/politics/2013/02/25/817538-mertvyie-malchiki-kak-starinnaya-duhovnaya-skrepa.html>. (Accessed: 26.03.2018).
4. Zakharov, V.N. (1978) *Problemy izucheniya Dostoyevskogo* [Problems of Dostoevsky studies]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.
5. Lansky, L.R. (1973) N.N. Strakhov o Dostoyevskom [N.N. Strakhov on Dostoevsky]. In: Zil'bershteyn, I.S. & Rozenblyum, L.M. (eds) *Literaturnoye nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 86. Moscow: Nauka.
6. Zakharov, V.N. (2011) Skol'ko budet dvazhdy dva, ili Neochevidnost' ochevidnogo v poetike Dostoyevskogo [What is be two plus two, or The invisibility of the obvious in Dostoevsky's poetics]. *Voprosy filosofii*. 4. pp. 109–114.
7. Dostoyevskiy, F.M. (1972–1990) *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 t.* [Complete Works: in 30 vols]. Leningrad: Nauka.
8. Dolinin, A.S. (1940) Pis'ma N.N. Strakhova F.M. Dostoyevskomu [Letters from N.N. Strakhov to F.M. Dostoevsky]. In: Pikanov, N.K. & Tsekhnovits, O.V. (eds) *Shesti-desyatyye gody. Materialy po istorii literatury i obshchestvennomu dvizheniyu* [he Sixties. Materials on the history of literature and social movement]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
9. Donskov, A. (ed.) (2003) *L.N. Tolstoy i N.N. Strakhov. Polnoye sobraniye perepiski: v 2 t.* [L.N. Tolstoy and N.N. Strakhov. A complete collection of correspondence: in 2 vols]. Moscow: Gos. muzey L.N. Tolstogo; Ottawa: Group of Slavic Studies at the University of Ottawa.
10. Strakhov, N.N. (1883) Vospominaniya o Fedore Mikhayloviche Dostoyevskom [Memories of Fyodor Dostoevsky]. In: *Biografiya, pis'ma i zametki iz zapisnoy knizhki F.M. Dostoyevskogo* [Biography, letters and notes from the notebook of F.M. Dostoevsky]. St. Petersburg: Tip. A.S. Suvorina.

11. Tunimanov, V.A. (2013) Dostoyevskiy, Strakhov, Tolstoy: (Labirint stsepleniya) [Dostoevsky, Strakhov, Tolstoy: (Labyrinth of Clutches)]. In: Gus'kov, S.N. (ed.) *Labirint stsepleniya: izbr. st.* [Labyrinth of clutches: Selected articles]. St. Petersburg: Pushkinskiy dom.
12. Andrianova, I.S. (2015) "Klevety Strakhova", ili Protest vdovy i plemyanika Dostoyevskogo ["Strakhov's slander", or The protest of Dostoevsky's widow and his nephew]. [Online] Available from: unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1449057614.pdf. DOI: 10.15393/j10.art.2015.2485
13. Svintsov, N. (1999) Dostoyevskiy i otnosheniya mezhdu polami [Dostoevsky and relations between the sexes]. *Novyy mir*. 5. [Online] Available from: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1999/5/svincov1.html. (Accessed: 26.03.2018).
14. Oborin, L. (2016) *Kak vy dumayete, byl li Dostoyevskiy pedofilom? (pis'mo N. Strakhova L. Tolstomu)* [Do you think Dostoevsky was a pedophile? (A letter from N. Strakhov to L. Tolstoy)]. [Online] Available from: <https://thequestion.ru/questions/78362/kak-vy-dumaete-byli-li-dostoevskii-pedofilom-pismo-n-strakhova-l-tolstomu>.
15. Rozenblyum, L.M. (1981) *Tvorcheskiye dnevniki Dostoyevskogo* [Creative diaries of Dostoevsky]. Moscow: Nauka.
16. Zakharov, V.N. (2017) Polemicheskiye zametki Dostoyevskogo o N.N. Strakhove [Dostoevsky's polemical notes about N.N. Strakhov]. *Russkaya literatura*. 4. pp. 61–69.
17. Tarasova, N.A. (2011) "Dnevnik pisatelya" F.M. Dostoyevskogo (1876–1877). *Kritika teksta* ["A Writer's Diary" by F.M. Dostoevsky (1876–1877). Criticism of the text]. Moscow: Kvadriga.
18. Rozanov, V.V. (2001) *Sobr. soch.* [Collected Works]. Vol. 13. Moscow: Respublika.
19. Borshchevskiy, S. (1956) *Shchedrin i Dostoyevskiy. Istoriya ikh ideynoy bor'by* [Shchedrin and Dostoevsky. The history of their ideological struggle]. Moscow: GIKHL.
20. Dostoyevskiy, F.M. (1928) *Pis'ma* [Letters]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Gosizdat.
21. Dorovatovskaya-Lyubimova, V.S. (1928) Dostoyevskiy i shestidesyatniki ("Iskra", "Sovremennik", Chernyshevskiy) [Dostoevsky and the Sixties (Iskra, Sovremennik, Chernyshevskiy)]. In: *Dostoyevskiy* [Dostoevsky]. Moscow: GAKhN.
22. Strakhov, N.N. (1890) *Iz istorii literaturnogo nigilizma. 1861–1865: Pis'ma N. Kositsy. Zametki Letopistov i pr.* [From the history of literary nihilism. 1861–1865: Letters from N. Kositsa. Notes of the Chronicler and others]. St. Petersburg: tip. brat'yev Panteleyevykh.
23. Fateyev, V.V. (2010) Religioznye vozzreniya N.N. Strakhova [Religious views of N.N. Strakhov]. In: Klimova, S.M. (ed.) *N.N. Strakhov v dialogakh s sovremennikami: Filosofiya kak kul'tura ponimaniya* [N.N. Strakhov in dialogue with his contemporaries: Philosophy as a culture of understanding]. St. Petersburg: Aleteyya.
24. Volgin, I.L. (2010) *Posledniy god Dostoyevskogo* [The last year of Dostoevsky]. 4th ed. Moscow: AST, Zebra E.
25. Modestov, V. (1887) <Rets.:> Bor'ba s Zapadom [<Review>: Fighting the West]. *Novosti i Birzhevaya gazeta*. 20 October. pp. 2.
26. Nikol'skiy, B.V. (1896) *Nikolay Nikolayevich Strakhov: Kritiko-biograficheskiy ocherk* [Nikolay Strakhov: A critical biographical essay]. St. Petersburg: [s.n.].
27. Andreyev, F.K. (1916) O sochinenii studenta Matveyevicha Viktora na temu: Religiozno-filosofskiy vzglyad N.N. Strakhova [On the composition of student Victor Matveyevich on the topic: Religious and philosophical views of N.N. Strakhov]. *Bogoslovskiy vestnik*. June. pp. 1–12.
28. Suvorin. (1896) *Ves' Peterburg na 1896 god, adresnaya i spravochnaya kniga g. S.-Peterburga* [All Petersburg for 1896, address and reference book of St. Petersburg]. St. Petersburg: izd. A.S. Suvorina.
29. Chernyshevskiy, N.G. (1939) *Poln. sobr. soch.: v 15 t.* [Complete Works: in 15 vols]. Vol. 11. Moscow: Goslitizdat.
30. Bernard, C. (1866) *Vvedeniye v izucheniye opytной meditsiny* [Introduction to the study of experimental medicine] Translated from French by N. Strakhov. St. Petersburg; Moscow: [s.n.].

-
31. Reizov, B.G. (1970) *Iz istorii yevropeyskikh literatur* [From the history of European literatures]. Leningrad: Leningrad State University.
32. Strakhov, N.N. (2010) Glavnaya cherta myshleniya [The main feature of thinking]. In: Klimova, S.M. (ed.) *N.N. Strakhov v dialogakh s sovremennikami: Filosofiya kak kul'tura ponimaniya* [N.N. Strakhov in dialogue with his contemporaries: Philosophy as a culture of understanding]. St. Petersburg: Aleteyya.
33. Bernard, C. et al. (1866) *Obshchiy vyvod polozhitel'nogo metoda* [The general conclusion on the positive method]. Translated from French. St. Petersburg: [s.n.].
34. Luk'yanov, S.M. (1992) Zapis' besed s E.E. Ukhtomskim [Recording conversations with E.E. Ukhtomsky]. *Rossiyskiy arkhiv*. 2–3.
35. Kibal'nik, S.A. (2013) *Problemy intertekstual'noy poetiki Dostoyevskogo* [Problems of intertextual poetics of Dostoevsky]. St. Petersburg: Petropolis.
36. Koshechko, A.N. (2014) Dostoevsky and Strakhov: experience of existential communication. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 4. pp. 1–9. (In Russian). [Online] Available from: <http://www.science-education.ru/118-14365>. (Accessed: 20.08.2014).
37. Zil'bershteyn, I.S. & Rozenblyum, L.M. (eds) (1971) *Neizdannyy Dostoyevskiy. Zapisnyye knizhki i tetradi 1860–1881 gg.* [Unpublished Dostoevsky. Notebooks and workbooks of 1860–1881]. In: *Literaturnoye nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 83. Moscow: Nauka.